

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

СПЕЦИФИКА КОНФЛИКТА В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»

© 2010 г.

С.И. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

suhih_sios@mail.ru

Поступила в редакцию 26.08.2010

Анализируется специфика конфликта в романе Л. Леонова «Русский лес» в связи с авторской концепцией характера и обстоятельств и генезиса отрицательных явлений в обществе. Показывается принципиальное отличие романа «Русский лес» от «лакировочной» литературы послевоенного периода.

Ключевые слова: характер и обстоятельства, конфликт, реалистическая концепция жизни, «лакировочная проза», философская проблематика.

Для понимания процессов развития литературной мысли, происходивших на рубеже 40–50-х годов, роман Л. Леонова «Русский лес» имеет ключевое значение. Особенно важна леоновская концепция **характера и обстоятельств**, авторское понимание факторов формирования **отрицательных сил**, олицетворенных в характере одного из главных героев романа – профессора Грацианского – и в самом феномене **«грацианщины»**.

Все в романе вращается вокруг противостояния двух основных фигур, двух ученых – профессоров-лесоводов Вихрова и Грацианского. Конфликт между ними разворачивается на разных художественных уровнях.

В романе есть «архетипический» «слой» конфликта, на который указывает в самом тексте: Вихров и Грацианский – это Прометей и коршун. Когда-то Грацианскому судьбу коршуна предрек некий жандармский подполковник: «Наверно, не сумев выбраться в Прометей, вы приспособитесь на роль коршуна к одному из них... и вам понравится с годами это жгучее, близкое к творческому, наслаждение терзать ему печень, глушить его голос, чернить его ежеминутно. Полностью осознанное ничтожество является не меньшей силой: тот же талант, лишь с обратным знаком...» [1, с. 528]. Это морально-этический уровень конфликта. Есть у него и чисто научный уровень – противостояние разных принципов лесопользования. Однако наиболее важен уровень **социальный**, а также **философский**.

Вся рассказанная автором в романе история появления над русским лесом странной «двойной звезды» – звезды Вихрова, с ее «слепящим жаром», и звезды Грацианского, с ее «холодным омертвляющим свечением», достаточно ясно свидетельствует: **спор Вихрова и Грацианского возник и развивался в условиях строящегося СОЦИАЛИЗМА** (и не мог возникнуть **ни в каких других** условиях). Он порожден реальными условиями нашего послереволюционного развития. **Питательная почва** конфликта – **объективное противоречие**, родившееся в годы первых «пятилеток»: между **сегодняшними** нуждами, требующими всего, в том числе лесного сырья, как можно больше, скорее и любой ценой, и нуждами **завтрашними**, заставляющими думать о природных ресурсах для будущих поколений.

Но есть и субъективная сторона. Возможность спекулировать на противоречии между интересами сегодняшнего и завтрашнего дня и **использует** Грацианский. Паразитизм Грацианского родился на **социалистической** почве. Разумеется, этому способствовали и другие «плоды» тоталитарного социализма, в частности: атмосфера всеобщей подозрительности, поиска врага, простор для доносов и политической демагогии.

К этому присоединились и **личные** мотивы: сказывались и застарелая обида бездарности, и уязвленное самолюбие неудачника, и – не в последнюю очередь – надежда укрепить карьеру и заработать лишний полтинник. *А самое глав-*

ное, именно послереволюционными «обстоятельствами» были «актуализированы» и методы «грацианщины»: использование идеологических обвинений, политического доноса под видом научной критики. Это «ноу-хау» того времени, особенно 30-х и 40-х годов.

Вихров пишет очередной научный труд – Грацианский выступает с разгромной рецензией на него. Новая книга – новый удар, похлестче, так что репутация Вихрова «за последнюю четверть века не просыхала ни на сутки» [1, с. 50]. А главное, критика научных идей Вихрова идет всегда не по существу научной концепции, а как разоблачение якобы стоящего за этой концепцией враждебного умысла, какого-либо очередного вредного политического «уклона». В такого рода разоблачениях Грацианский был мастер, обладая «повышенной, почти сейсмографической чуткостью ко всем колебаниям и политическим изменениям в окружающей обстановке» [1, с. 52]. «В течение ряда лет он взбирался на свою кручу по ступенькам вихровских книг. Так взошла над русским лесом странная, двойная звезда, где палящий жар одной уравновешивался смиряющим холодом другой: Вихров и Грацианский, одинаково признанные за выдающихся деятелей в этой области» [1, с. 424].

Как видим, в романе есть все, что может объяснить **реальные** социальные истоки «грацианщины» как явления и Грацианского как социально-психологический тип, причем самым простым, убедительным и **реалистическим** образом, в отличие от «лакировочной» литературы второй половины 40-х годов, где генезис отрицательных явлений связывался либо с прямым влиянием классового врага, либо с пережитками, «родимыми пятнами проклятого капитализма». В произведении Л. Леонова действительно объяснено, **откуда** взялись «двойные звезды» в лесоведении и не только в нем. Леонов увидел и показал явление типичное и характерное именно для **советской** действительности. Если брать только сферу науки, то подобные «двойные звезды» существовали практически в каждой ее области. Биология: Вавилов – Лысенко. Лингвистика: Е.Д. Поливанов – Н.Я. Марр и его сподвижники из Лингвистического института. Философия: Лосев – Митин и не один он; например, А. Зиновьев в своем романе «Зияющие высоты» вывел под прозрачными псевдонимами немало пустопорожних философов, которые «трудились» рядом с ним в Институте философии АН СССР, не производя ничего, кроме сплетен и доносов. История: Тарле – Покровский. Экономика: Чайанов, Конд-

ратьев – десятки «академиков» бухаринского Института красной профессуры. В области химии идеологический удар наносится по сторонникам «теории резонанса», и в нем участвует один из разоблачителей физиков философ Б.М. Кедров. «Реакционной лженаукой» объявляется кибернетика, а врагом и вредителем – один из ее советских основоположников академик Берг. Идеологические погромы науки в конце 40-х – начале 50-х годов стали привычными. И везде механизм идеологического погрома выстроен по одной и той же схеме:

1) доказывается, что критикуемые ученые – идеалисты или агностики;

2) в их работах выискивается противоречие хотя бы с одним или со всеми тремя основными законами диалектики;

3) формулируется обвинение в «торможении советской науки», «социалистического строительства» и способствовании «проискам империалистов» [2, с. 116-139].

Но ведь это и есть то, что Леонов в «Русском лесе» назвал своим словечком-неологизмом «**миметизм**». В провокационных целях тонкий инструмент диалектики примитивизируется и превращается в грубую «дубину». И именно такова методология критики Грацианским «идеалистических научных вывертов» профессора лесоведения Вихрова.

И суть его «метода», и питательную почву «грацианщины» Леонов показал в романе блестяще. А мысль о том, что «грацианщина» – продукт социализма, с горечью и иронией сформулирована даже прямыми словами: «Значит, в таких и нуждалась эпоха, если именно ему доверили вести критические обзоры в специальных изданиях, высказывать руководящие соображения, разоблачать ереси и ошибки своих товарищей» [1, с. 11].

Вернемся к социальной стороне конфликта романа. Истоки отрицательного, опаснейшего социально-психологического явления, возникшего на социалистической почве, раскрыты были в образе Грацианского в «Русском лесе» просто и, казалось бы, очевидно, без всяких ссылок на «пережитки капитализма» и т.д. Но – вот загадка! – со второй половины романа в системе мотивировок поведения Грацианского вдруг появляется нечто новое, а точнее, очень даже старое и знакомое читателю 40–50-х годов. В мотивировке характера Грацианского все большую роль начинает играть его **прошлое** – студенческие годы, революционная организация «Молодая Россия», в которой он участвовал, встреча с жандармским подполковником Чандвецким, незабываемая беседа с ним и –

пусть невольное – сотрудничество с охранкой, следствием которого стали провалы организации революционеров и их аресты. И в тексте есть прозрачные намёки на то, что жандармский Мефистофель, будучи за границей, передал своего «законсервированного» агента более влиятельным «хозяевам». В конце романа сообщается о зловещем посещении Грацианского неким лицом, передавшим Александру Яковлевичу «посмертный привет от Чандвецкого» [1, с. 721].

Итак, в романе две мотивировки характера Грацианского. Одна **реалистическая**: характер, социальный тип формируется обстоятельствами. А другая **традиционно-шаблонная** (как в «бесконфликтной», «лакировочной» литературе второй половины 40-х годов): деятельность Грацианского наперекор настоящей науке (в лице Вихрова) объясняется тем, что он вообще «несоветский человек», который уже давно был фактически завербован жандармским офицером.

За счёт этих двух не соответствующих друг другу мотивировок характера Грацианского в художественной системе романа возникает **внутреннее противоречие**, которое, без сомнения, нарушает его художественную целостность, а это серьезнейший недостаток (не будем употреблять слово «просчет», потому что оно здесь неуместно, как будет показано далее). Первым обратил внимание на это противоречие в романе Леонова еще в 1954 году молодой критик Марк Щеглов в статье, опубликованной в «Новом мире». По молодости и неопытности Щеглов принял этот леоновский «ложный ход» за ошибку писателя и подверг роман Леонова критике, по тем временам весьма чреватой серьезными последствиями (вероятно, они не наступили лишь потому, что шел 1954 год и Сталина уже не было): «Не жандармы сделали Грацианского таким, какой он есть, а ряд общественных условий, создавших послереволюционную поросль старого мещанства <...> Но, найдя подлинные черты этого Грацианского, высказав о нем немалую правду, Л. Леонов, непонятно почему, выразил великолепно верный социально-психологический конфликт через необязательную полудетективную интригу, своеобразно захватывающую читателя, но несомненно поверхностную. А это имеет очень серьезное последствие для романа» [3, с. 311–312].

Леонов, как свидетельствует профессор А.И. Овчаренко, был крайне недоволен статьей Щеглова, потому что она могла сыграть роль провокаторского доноса, она открывала потаен-

ный смысл романа всем, в том числе чиновникам от науки, цензуре, благодаря «ложному ходу» не «раскусившей» роман и пропустившей его в печать, и властям, чего Леонов никак не хотел. Он писал роман для думающего читателя и надеялся, что тот самостоятельно, без подсказок разберется в сути дела. При этом крайне нежелательно было объявлять об этом во всеуслышание, чтобы не доставлять серьезных неприятностей автору, и так уже давно взятому на заметку в НКВД. Л. Леонов в беседе с А. Овчаренко сказал о М. Щеглове: «...он написал обо мне развязную, демагогическую статью, обличая за то, что я связал Грацианского с охранкой. Обличая, хорошо знал, что, не сделай я этого, мне не удалось бы сказать о наличии страшных людей. Знал, а упрекал» [4, с. 176–177].

Возможно, М. Щеглов был наивнее, чем предполагал Леонид Максимович, и искренне счёл «ложный ход» художественным просчётом писателя, но и в этом случае он был не прав: то, что сделал Л. Леонов, – **не ошибка и не просчет**. Но и **не приспособление** к идеологическим догмам, довлевшим тогда над литературой. Как раз **наоборот**: Л. Леонов одним из первых **преодолевал** эти догмы. Но он писал свой роман в конце 40-х – начале 50-х годов, когда сказать **открыто** и прямо, что «не жандармы» сделали Грацианского таким, каков он есть, а «послереволюционные условия», было весьма опасно.

Леонов **сознательно использовал отвлекающий прием**, эту самую «полудетективную интригу». Но при этом **дал ключ к разгадке** для думающего читателя, – в самом начале романа, в иронической фразе о «запрещенном приеме» в литературе, о «загадочных фигурах с потайными фонарями, хранящих в зубной пломбе похищенную схему городской канализации, без чего... трудно бывает повернуть громоздкий и дидактический сюжет» [1, с. 116]. Это не для красного словца написано: Л. Леонов зря ничего не пишет. В его произведениях нет ничего случайного, ни в сюжетных ходах, ни в словах. У него каждое слово выверено, каждое на своем месте. Леонид Максимович умеет и любит сказать то, что не каждый сразу поймёт или хотя бы увидит. Приведу один пример, доказывающий, что Л. Леонов не боялся многим рисковать. В годы «перестройки» стало модным цитировать одно изречение «железного канцлера» Бисмарка, который еще в XIX веке однажды сказал: «Для того, чтобы построить социализм, надо найти страну, которой не жалко». Очень полюбили эту фразу либераль-

ные журналисты, когда она стала совершенно безопасной. А попробовали бы они процитировать ее в те времена, когда ее цитировал Леонов, – в конце 30-х годов! Например, в романе «Скутаревский». Тогда за такую цитату не аплодисментами награждали, а пулей в затылок...¹

В случае с «Русским лесом» Леонов **сознательно** пошел на некоторую **жертву художественностью**, построив роман на двойной мотивировке, как бы взрывающей его изнутри, разрушающей жанровое и стилевое единство произведения, – пошел ради того, чтобы в условиях существования цензуры всё же получить возможность сказать читателю то, что он сказал.

Кроме того, стоит отметить следующее. Если бы Л. Леонов действительно был одним из «лакировщиков» или хотя бы искренне сделал в своём романе определённую уступку «лакировочной» концепции генезиса отрицательных явлений, то по логике он должен был показать, что «научная» деятельность Грацианского в 30-е годы, которая, по сути, является провокаторской, – это выполнение некоего задания бывшего жандарма, то есть результат сотрудничества с классовым врагом. Леонов же в тексте романа, наоборот, недвусмысленно даёт понять, что как раз эта псевдонаучная деятельность никак не была связана с Чандвецким: после 1911 года этот «злой гений» не предпринимал никаких попыток что-либо поручать Грацианскому, как-либо использовать его и даже общаться с ним. Лишь в 1941 году Александра Яковлевича побеспокоил некий «посланник» «старого мира», передавший привет от бывшего жандарма. Следовательно, в бесчестной полемике Грацианского с Вихровым, в том вреде, который наносит Александр Яковлевич русскому лесу, точно нет никакой вины пресловутого классового врага. Таким образом, Л. Леонов, желая, чтобы роман прошёл цензуру, действительно включил в него «ложный ход» и прикрыл реалистическую концепцию «лакировочной маской», но даже в том, как сделана эта «маска», для думающего читателя уже содержится явный намёк на то, что в действительности «не жандармы сделали Грацианского таким, какой он есть, а ряд общественных условий».

Как уже говорилось, социальный уровень конфликта весьма важен в леоновском произведении, однако «Русский лес» не только социально-психологический, но и глубокий **философский** роман. За ведущимся на его страницах научным спором о методах лесопользования (Вихров отстаивает разумную экономию лесных ресурсов, бережное отношение к природе, а

Грацианский оправдывает безоглядные порубки леса ради нужд социалистического строительства) стоит философский диспут. Это спор о **смысле истории, о судьбах земной цивилизации, о созидательной и разрушительной силе разума, о жизни и смерти.**

ПОЗИЦИЯ ВИХРОВА отчетливо выражена в его вступительной лекции для студентов о русском лесе, «о роли дерева в русской жизни». С точки зрения Вихрова, предназначение человека – «быть не бессовестным эксплуататором природы и не бессильной былинкой в ее потоке, а великой направляющей силой мироздания» [1, с. 327].

Человек должен не бороться с природой, тем более не уничтожать ее, а учиться у природы, «чтобы облегчить и ускорить работу природы в ее стремлении к совершенству, которого она расточительно, мириадами опытов и с жестокой выбраковкой добывается вслепую». Здесь есть явная переключка с *федоровской* идеей «превращения слепой, смертоносной силы природы» при помощи созидательной силы человеческого разума в «силу живоносную». Поддержание и усовершенствование той природной силы, которую, по словам Вихрова, «некоторые кабинетные мудрецы» называют мудреным словом «биогеофитоценоз». Оно означает ту самую таинственную связь и взаимозависимость живых существ в природе, обеспечивающую ее вечное обновление и поддерживающую жизнь.

Философия Ивана Вихрова (и Леонова) есть философия ЖИЗНИ.

У Вихрова два главных врага: неразумное, разрушительное лесопользование, осуществляемое **советской властью** для скорейшей индустриализации, и **капиталистическое** безоглядное разбазаривание, хищническое уничтожение природных ресурсов. Поскольку на переднем плане в сюжете – борьба с «грацианщиной», сейчас, в XXI веке, есть соблазн «выпрямить» леоновскую мысль и объявить героя, а заодно и писателя тайными антисоветчиками. Нет, Иван Вихров, который в своей лекции говорит, что капитализм «повсюду совершал свой первый прыжок за счет леса» [1, с. 315], его хищнической вырубке, отнюдь не враг социализма и не поклонник капитализма. Недаром в романе есть потрясающая по своей эмоциональной силе картина порубки древнего бора Облога капиталистическим первопроходцем – купцом, «хищником» Кнышевым, который самолично рубит «мать Облога» – изумительной красоты вековую сосну. И в этой картине смерти прекрасного дерева купец Кнышев показан как безжалостный палач. Это, по сути, сцена **казни**.

Таким образом, Леонов видит **враждебность «русскому лесу» и капитализма, и социализма**. Совершенно прав автор биографической книги о Леонове Захар Прилепин, когда утверждает, что Леонид Максимович был человеком, по своей сути чуждым как советскому строю, так и любому другому. [5] **Философия жизни**, которую отстаивают писатель и его герой, противостоит **не социализму или капитализму, а губительной силе всей той «технической цивилизации»**, историческими разновидностями которой являются **обе эти «формации»** и которая существует по крайней мере с эпохи Просвещения. Она движется к своему закату, ибо ведет к глобальному экологическому кризису, грозящему гибелью планете².

ПОЗИЦИЯ ГРАЦИАНСКОГО. Ему леса не жалко. Поэтому не только ради своего личного благополучия, карьеры и «возвышения» встает он на сторону «лесоруба, вооруженного топором и воспламененного великой идеей». В сущности, Грацианский воплощает в себе не созидательную и живоносную, а разрушительную и **смертоносную** силу разума.

Главным орудием разрушения становится особый, изобретенный Грацианским еще в пору его «революционной» молодости метод **МИМЕТИЗМА**. Тогда, при царизме, он означал, в сущности, квинтэссенцию провокаторства: **доводить до абсурда** и кошмара методы существующего управления, добившись тем самым развала государства. А роль в советской России правит **идеология**, «миметизм» снова в действии, но в новой форме: Грацианский тоже доводит её до абсурда, превращая идеологическую ортодоксию в «дубину», в главное орудие расправы над своими противниками и в главный способ собственного самоутверждения и возвышения. Кстати, заметим, что сам Л. Леонов, подобно Вихрову, стал после публикации «Русского леса» жертвой подобной демагогической критики: «Леонид Максимович ввязался в настоящую войну, приобретя многочисленных врагов, строчивших на него жалобы в самые высокие инстанции (например, Васильева, заместителя директора Института леса Академии наук СССР)» [6].

Первостепенное значение в выражении философского смысла произведения Л. Леонова приобретает **ОБРАЗ ЛЕСА**. Лес становится почти «действующим лицом» романа, а образ леса вырастает в **сложный символ**, концентрирующий в себе авторскую философию и авторскую позицию в споре учёных.

Лес у Леонова – это, в сущности, символ жизни, средоточие жизни, реальное воплощение

сил ее вечного обновления и самовоспроизведения, через него утверждается **идея неистребимости и вечности жизни**. Отношение к лесу становится **критерием оценки человека**, через него раскрываются **духовные качества** людей, в нем находят выражение философские позиции героев.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СЦЕНА У РОДНИЧКА становится и началом, и квинтэссенцией философского диспута. Дело происходит в 1916 году, еще до революции. Иван Вихров, работающий лесником, ведет приехавших к нему в гости петербургских приятелей к своей святыне – к родничку, от которого ведут начало реки, кормящие и омывающие пол-России. Грацианский смотрит в ручей, не видя и не слыша ничего вокруг. «Как бы перед ним билось обнаженное от покровов человеческое сердце <...> – Сердитый, – обнажив зубы, протянул Грацианский и вдруг, сделав фехтовальный выпад, вонзил палку в родничок и дважды самозабвенно повернул ее там, в темном пятнышке его гортани» [1, с. 276]. Всегда спокойный и сдержанный Вихров вдруг теряет самообладание. С криком: «Я убью тебя!» – бросается он к обидчику и яростно ломает его «посошок».

Сцена не только символическая, но и в высшей степени эмоционально насыщенная. **Святыня** – и попытка **осквернить** ее, совершить кощунственное убийство. Столкновение живоносного и смертоносного начал. Это одна из кульминаций философского конфликта.

До сих пор речь шла о **конфликте «по горизонтали»**, т.е. между людьми одного поколения – «отцов», однако в романе Леонова он углубляется и осложняется **конфликтом «по вертикали»** – между людьми, сложившимися еще до революции, прошедшими через ее горнило, и послереволюционным поколением, прежней жизни не знавшим. Главную ось этого конфликта представляют собой отношения Поли Вихровой с ее отцом Иваном Вихровым.

В конечном счете борьба между Вихровым и Грацианским идет за будущее, и потому позиция «детей» (прежде всего, Поли и Сережи – приемного сына Вихрова) в значительной степени определяет и напряженность, и ход, и исход конфликта.

Первоначально сознание молодого поколения зашорено пропагандой (Л. Леонов ненавидел пропаганду, называл ее собственным неологизмом «пропагадина»). А в пропаганде первую скрипку играли грацианские, обладавшие «почти сейсмической чуткостью ко всем колебаниям и политическим изменениям в окружающей обстановке» [1, с. 50].

Когда Поля впервые пришла на квартиру Вихрова, то на мучивший ее вопрос – за что же бранят ее отца – она получила ответ от сестры Вихрова Таиски: «За то и бранят, что лес бережет» [1, с. 41]. Ответ не убедил, и Поля, в свою очередь, убийственно парирует его вопросом, проникнутым презрением и враждебностью: «От кого же он его бережет... от народа?» – и тут же убежденно обозначает свою позицию: «Ведь народ хозяин лесу-то... И потом: известно ли Ивану Матвейчу, какая стройка идет в стране... и зачем его рубят, этот самый лес?» [1, с. 41]. У Вихрова руки опускаются, когда он узнает от Таиски об этом посещении дочери и о «неподдельном презрении, прозвучавшем в ее единственном вопросе о сущности вихровских идей». «Потухший, с изменившимся лицом», смотрит он в темноту ночи, сраженный ударом более сокрушительным, чем все выпады его научных противников: «Значит, прочла дочка и осудила, отреклась и умножила собой лагерь его недоброжелателей. Он потерянно молчал» [1, с. 55].

Изменение позиции Поля и других молодых людей происходит трудно и мучительно, и их эволюция (так сказать, от Грацианского к Вихрову) стала возможной только потому, что они прошли через испытания войной и стали ощущать себя неотъемлемой частью народа, нации и родной природы, в том числе русского леса, который в годы войны стал в известном смысле могучим союзником и помощником людей, воюющих за свою страну.

Именно во время войны Поля почувствовала себя **«хвоинкой»** русского леса, **«человеческого леса»**. Молодые герои романа именно во время войны ощутили живую теплоту простых и ясных отношений между людьми, непреложную силу общечеловеческих норм морали, освященных опытом многих поколений. И тогда абстрактный и холодный, «ледовитый», как его назвал Леонов, идеал будущей стерильной коммунистической «чистоты» (а именно так он представлен в книге Л. Леонова) в сознании молодых людей был потеснен общечеловеческими ценностями, о которых Поля говорит совсем другими, чем о коммунистическом идеале, – простыми словами: «Что такое чистота на земле? Это чтобы не было войны и чтоб жить без взаимной обиды, чтоб маленьких не убивали, чтоб на ослабевшего не наступил никто. И чтоб дверей не запирают, и чтоб друг всегда за спиной стоял, а не враг... И еще чтобы трудились все, потому что человек без труда хуже любой твари становится ...» [1, с. 481]. И уже не вла-

стны над умами молодежи грацианские, и наступает расплата.

Поля Вихрова приходит к Грацианскому с желанием отомстить за отца: «Чернильницу нашарила рука, и прежде чем тот успел закрыться наглухо, Поля в упор выплеснула ее Александру Яковлевичу в лицо» [1, с. 736]. Этот эпизод по своей экспрессии равносителен сцене у родничка и связан с ним символической связью: это «сдача», которую получил-таки Грацианский, и оскверненный им когда-то родничок был отомщен [3, с. 298]. Так завершаются и сюжетный конфликт, и философский диспут, ведущийся на страницах романа.

В романе Леонова человек обретает себя, проявляет свою истинно человеческую сущность **в единстве с природой, с народом, со своей нацией, с Родиной**, образуя то высшее единство, которое Леонов обозначает метафорой **«человеческий лес»**. Здесь важны все составляющие этого неразрывного целого, образующего идеал: **природа, народ, нация, родная земля, человек, т.е. ценности общенародные, общечеловеческие**.

Принципиальное значение леоновского романа заключается, во-первых, в том, что в нем выдвинут и художественно выражен этот «родовой», коллективистский, «соборный» **нравственно-эстетический идеал** как ориентир для дальнейшего развития литературы, противостоявший официозному идеалу «гордого» человека соцреализма. В 50-е годы леоновский идеал был мощно поддержан Шолоховым в рассказе «Судьба человека», а в 60–80 гг. – «деревенской прозой», одним из самых плодотворных литературных направлений 2-й половины XX века³, а также подавляющей частью литературы о войне и революции (яркий пример – повесть П. Нилина «Жестокость»). А во-вторых, важнейшее значение «Русского леса» в том, что он возвратил литературе утраченное было ею в эпоху «бесконфликтности» острое социальное зрение, вернул её на твердую почву классического реализма.

Тем не менее некоторые критики склонны к тому, чтобы подогнать «Русский лес» под догматический соцреалистический канон, особенно упирая на его «ложные ходы» вроде давнего «грешка» Грацианского, а также на то, что Вихрова не посадили и не уволили и не пришлось ему снова идти в простые лесники, к чему он стал уже готовиться... Примером такого подхода к этому произведению может стать, скажем, учебное пособие Н. Лейдермана и М. Липовецкого [7].

С нашей точки зрения, бесполезно подгонять «Русский лес» под каноны, шаблоны, «пара-

дигмы» догматического «соцреализма». Он вообще не имеет к этим догмам, которые выводятся многими критиками из «лакировочной» литературы 40-х годов, никакого отношения. Кроме того, пожалуй, этим романом был нанесен как раз самый сокрушительный удар по окостеневшим догмам и шаблонам.

Примечания

1. Леонов мог и Сталину возразить (при встрече на квартире Горького), и отклонить настойчивое приглашение наркома НКВД Ягоды принять участие в поездке бригады писателей на Беломорканал, и, будучи одним из секретарей Союза писателей СССР, отказаться подписать документ об одобрении руководством Союза писателей вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. (документ вышел безымянным, без подписей, без фамилий – просто от секретариата Союза писателей). Эти факты изложены в книге Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова. Из записок 1968–1988-х гг. [4].

2. Об этой проблеме в философском плане см.: Шафаревич И. Две дороги – к одному обрыву. М.: Алгоритм, 2003. 310 с.

3. Но тогда же был выдвинут и художественно воплощен в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» противоположный нравственно-эстетический идеал, связанный с идеей абсолютной личной свободы человека.

Список литературы

1. Леонов Л. Русский лес. М.: Известия, 1966. 784 с.

2. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Алгоритм, 2003. 311 с.

3. Щеглов М. О «Русском лесе» Л. Леонова // В кн.: Щеглов М. Любите людей. Статьи. Дневники. Письма. М.: Художественная литература, 1987. 395 с.

4. Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова. Из записок 1968–1988-х гг. М.: Моск. интеллектуально-деловой клуб, 2002. 294 с.

5. Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. 566 с.

6. Горюнова И. Захар Прилепин «Леонид Леонов: «Игра его была огромна» // Дети Ра. 2010. № 6 (68). С. 24–30.

7. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература. В 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2003. 416 с.

THE PECULIARITY OF THE CONFLICT IN L. LEONOV'S NOVEL «THE RUSSIAN FOREST».

S.I. Sukhikh

The article explores the peculiarity of the conflict in L. Leonov's novel «The Russian Forest» as it relates to the author's conception of characters and circumstances and the genesis of negative phenomena in society. The article reveals the fundamental difference of «The Russian Forest» from the «gilded» literature of the post-war period.

Keywords: character and circumstances, conflict, realistic conception of life, «gilded prose», philosophical issues.